

Двухкомпонентная теория актантной структуры: опыт анализа префиксальных глаголов*

С.Г. Татевосов

В работе предлагается новый анализ актантных альтернатив в русском языке, который опирается на предположение, что некоторые компоненты событийной структуры создаются в синтаксисе, а другие возникают в процессе ее лексической реализации.

Ключевые слова: деривационная морфология, структура события, актантная структура, префиксация

В этой работе мы предлагаем возможный подход к решению давней проблемы, связанной с актантной структурой русского глагола. В предельно общем виде проблема описывается обобщением в (1):

- (1) Префиксация в русском языке приводит
- к появлению у глагола актантов, отсутствующих у непрефигированной основы,
  - исчезновению актантов, имеющих у непрефигированной основы

Чтобы проиллюстрировать это обобщение, достаточно парадигмы в (1)-(2):

- (2) Володя съел сыр.
- (3) а. Володя наел пузо.
б. *Володя наел сыр.
- (4) а. Володя ел сыр.
б. #Володя ел пузо.

Как видно из (4a-b), в отсутствие префикса основа *ед-* допускает единственный тип актанта — объект потребления. *Есть* — значит поглощать еду. После префиксации, однако, ситуация меняется. В (3a) в качестве пациенса появляется создаваемый объект — *пузо*. Исходный пациенс, как видно из (3b), становится невозможен. При наличии другого, «чистовидового» префикса, как в (2), пациенс сохраняется в неприкосновенности.

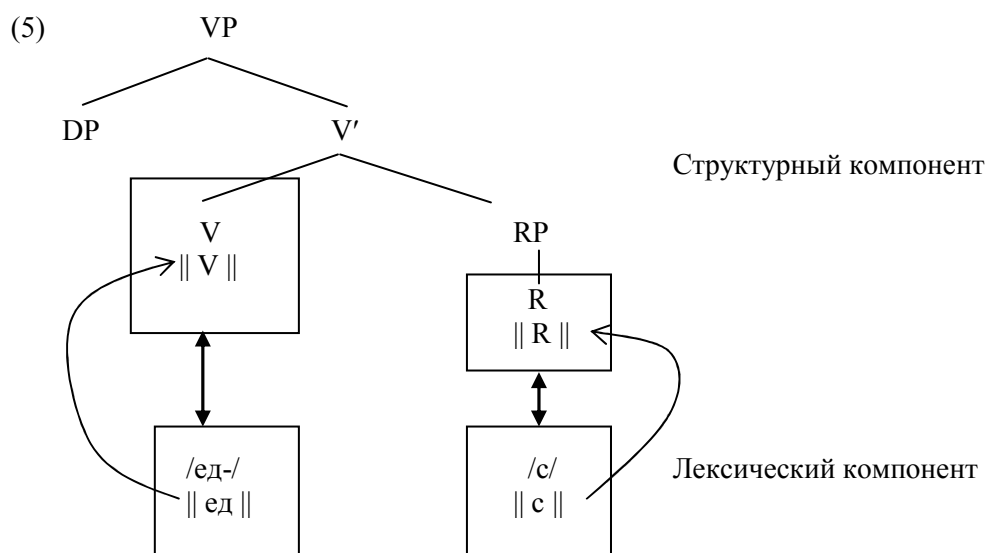
В литературе эти факты получили достаточно широкое освещение, подробно останавливаясь на котором мы не имеем возможности по соображениям объема. В оставшейся части этих заметок мы покажем эскиз анализа, который, как кажется, способен объяснить обе части обобщения в (1), в частности, верно предсказать явления, которые наблюдаются в (2)-(4).

Наше первое допущение следует идее Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (см. [1] и цитируемую там литературу, а также обсуждение в [2]) о том, что значение глагольного предиката складывается из двух компонентов: **лексического** и **структурного**. Лексический компонент уникален для каждого глагола: для глагола *есть*, например, — это то, что отличает его от глагола *пить*. Он состоит из фонологической и семантической информация, закрепленная за лексическими единицами словарно. Структурный компонент — свойство целой конструкции, в которой реализуется глагол, то общее, что объединяет глаголы *есть*, *пить* и другие **деятельности** в терминах лексико-аспектуальной системы Вендлера-Даути ([3-4]). Структурный компонент представляет собой фрагмент

---

* Исследование поддержано грантом РФФИ №14-06-00435.

синтаксической структуры, лишенной лексической информации, но имеющей собственное семантическое содержание. Мы предполагаем, что он генерируется синтаксически вовсе без участия лексической информации, а придание ему плана выражения происходит после синтаксиса, в момент **лексической реализации**, или **озвучивания** синтаксической структуры, как показано в (5). Глагольная основа *ед-* в (5) озвучивает вершину V, а префикс *с-* — вершину R. Как синтаксические вершины V и R, так и озвучивающие их словарные единицы *ед-* и *с-* имеют собственную интерпретацию, соответственно || V ||, || R ||, || ед- || и || с-||. К семантике каждого из компонентов мы вскоре вернемся. На интуитивном уровне, || R || отвечает за результат процесса, обозначаемого || V ||.

(5), таким образом, — это двухуровневая теория, в котором конечное значение выражения создается информацией из двух независимых источников. В этом смысле любая глагольная группа представляет собой «конструкцию» примерно в смысле [5], с той несущественной разницей, что [5] опирается на другие представления о природе структурного компонента.

Мы предполагаем, что структурные компоненты **деятеьностей** и **свершений** различается: первый показан в (6), второй в (7). Конфигурация, представленная в (5), таким образом, — это пример структуры свершений:

(6) **Структура деятельности: нет результативного компонента**

$[_{VP} \dots v [_{VP} \dots V]]$

(7) **Структура свершений: есть результативный компонент**

$[_{VP} \dots v [_{VP} \dots V [\dots R \dots]]]$

(6)-(7) похожи на событийные структуры деятельности и свершений Дж. Рэмченд [6]. Как и она, мы предполагаем, что каждая вершина вносит вклад в интерпретацию, поставляя в структуру подсобытийный компонент: *v* — каузирующее подсобытие, V — процессное подсобытие. Роль R, как и в рэмчендовской системе, сводится к указанию на результат, однако в рамках этих упрощенных набросков мы, в отличие от Рэмченд, откажемся от идеи, что R вводит отдельный подсобытийный компонент.

К моменту завершения построения глагольной группы подсобытия полностью лишены дескриптивных свойств: они возникают лишь на этапе озвучивания, когда структурный компонент соединяется с лексическим. Отвлекаясь от интерпретации внешней оболочки глагольной группы, *vP*, не имеющей непосредственного отношения к нашему сюжету, сосредоточимся на семантике VP.

Мы предполагаем, что V имеет различную интерпретацию в составе структур деятельности и свершений. В первом случае она обозначает простое отношение между процессами и их участниками в (8), во втором — отношение между процессами,

участниками и степенями изменения свойства в (9). С содержательной точки зрения это означает, что свершения по необходимости описывают изменение параметрического свойства, тогда как деятельности лишены этой особенности. Более того, мы предполагаем, что именно семантика изменения свойства — это элемент, лицензирующий комплемент V , который обозначает результат изменения. (В русских глагольных группах с префиксальными глаголами эту позицию, как видно из (5), занимает префикс.) Процессы, не предполагающие изменения, не требуют и спецификации результата.

(8) Глагольная вершина как элемент структуры деятельностей

$$\| V_{\text{ACTIVITY}} \| = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e)$$

(9) Глагольная вершина как элемент структуры свершений

$$\| V_{\text{ACCOMPLISHMENT}} \| = \lambda d. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(G(x))(d)(e)$$

где $\text{INCREASE}(G(x))(d)(e) = 1$ тогда и только тогда, когда степень, в которой x обладает свойством G , увеличилась на d в событии e .

Обсудим подробнее событийную структуру класса свершений, опирающуюся на семантику V в (9). Наша гипотеза состоит в том, что значения параметрического свойства G произвольно выбираются из ограниченного инвентаря универсальных параметрических характеристик — таких, как созданность, уничтоженность, вовлеченность в ситуацию и т.д. В зависимости от этого мы получаем разные классы событийных структур свершений: с создаваемым объектом, уничтожаемым объектом, объектом поверхностного контакта, объектом представления и т.д.

Функция префикса в рамках нашего упрощенного фрагмента очень проста: он сообщает значение степенному аргументу d , а именно, указывает, что степень обладания свойством приросла в максимально возможной в данном контексте степени d_{MAX} . (Полный анализ префиксов, безусловно, сложнее, поскольку они вводят результирующее состояние, которое мы игнорируем. Идея о том, что префиксы — это операторы, которые обрабатывают степенной аргумент, представлена также в [7].)

Принципиально важно, что префиксы чувствительны к тому, на какой именно шкале располагается d_{MAX} . Соответственно, для разных шкал мы имеем разные префиксы. Общий формат семантического представления префиксов показан в (9):

(10) Семантика префикса

$$\| \text{PRF}_S \| = d_{\text{MAX}}, \text{ если } d_{\text{MAX}} \subseteq S, \text{ не определено в противном случае,}$$

где S — некоторая шкала

Учитывая, что префикс поставляет d_{MAX} , расположенный на конкретной шкале, он совместим только с теми шкальными свойствами G , которые получают значения на той же шкале.

Таким образом, префигированная глагольная группа до озвучивания представляет собой отношение между индивидами и событиями в (11):

(11) Интерпретация глагольной группы в составе структуры свершений; общий формат

$$\| [_{\text{VP}} \dots V [\text{PRF}]] \| = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(G(x))(d_{\text{MAX}})(e)$$

В зависимости от того, каким образом фиксировано свойство G , (11) может принимать разнообразный вид. Несколько примеров показано в (12):

(12) Глагольные группы, опирающиеся на различные параметрические свойства

- a. $\| [_{\text{VP}} \dots V [\text{PRF}_{\text{DESTROYED}}]] \| = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(x))(d_{\text{MAX}})(e)$
- b. $\| [_{\text{VP}} \dots V [\text{PRF}_{\text{EFFECTED}}]] \| = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{EFFECTED}(x))(d_{\text{MAX}})(e)$
- c. $\| [_{\text{VP}} \dots V [\text{PRF}_{\text{AFFECTED}}]] \| = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{AFFECTED}(x))(d_{\text{MAX}})(e)$
- d. ...

Таким образом, перед нами **структурный компонент** значения глагольной группы — тот, который определяется независимо от семантики конкретных лексических единиц. Индивидуальный аргумент отношений в (12) соответствует **структурному аргументу** в теории Б. Левин и М. Раппапорт Ховав.

Перейдем к основному элементу предлагаемой системы. Мы предполагаем, что в момент озвучивания, когда компоненты структуры получают фонологическое выражение, делается доступна и вся семантическая информация, которая уникальна для участвующих в озвучивании словарных единиц. Словарная единица для основы глагола *есть*, в частности, выглядит следующим образом:

(13) **Словарная единица для глагола *есть***

$$/ \text{ед-} / \Leftrightarrow \{ \text{VP}, \dots, \lambda x. \lambda e. \text{eat}(x)(e) \}$$

Отношение $\lambda x. \lambda e. \text{eat}(x)(e)$, которое определяет наша словарная единица, — это специфическое отношение между индивидами и событиями поедания, в которых константа *eat* отвечает за все их дескриптивные свойства. Индивидуальный аргумент этого отношения соответствует **константному аргументу** Б. Левин и М. Раппапорт Ховав.

В момент озвучивания отношение в (13) подвергается **соотнесению** с отношением, построенным в синтаксисе в качестве структурного компонента. Наша основная гипотеза состоит в том, что процедура соотнесения сводится к созданию пересечения двух отношений, к которому прилагается ограниченное количество стратегий разрешения ситуации, когда пересечение пусто. Будем понимать процедуру соотнесения как двухместную функцию Match, аргументами которой выступают структурный компонент, такой как в (12а-с), и лексический компонент:

(14) **Операция соотнесения; вариант с пересечением**

$$\text{Match}(\text{Struct}, \text{Lex}) = \text{Struct} \cap \text{Lex}^1$$

Предположим, что перед нами структурный компонент в (12а). В этом случае операция Match принимает форму в (15):

(15) **Соотнесение**

$$\text{Match}(\lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(x))(d_{\text{MAX}})(e), \lambda x. \lambda e. \text{eat}(x)(e))$$

Перед нами два отношения между индивидами и событиями, или, что то же самое, два множества пар индивидов и событий. Согласно (14), Match формирует множество пар индивидов и событий, которые представлены в обоих исходных множествах:

(16) **Результат соотнесения**

$$\lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(x))(d_{\text{MAX}})(e) \wedge \text{eat}(x)(e)$$

После насыщения аргументной позиции именной группой *сыр*, мы получаем предикат в (17):

(17) **Семантика для *съесть сыр***

$$\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(\text{cheese}))(d_{\text{MAX}})(e) \wedge \text{eat}(\text{cheese})(e)$$

---

¹ (14) представляет семантику в теоретико-множественном формате, тогда как семантические представления в (8)-(13) — в терминах функций. Поскольку, однако, то и другое находится во взаимнооднозначном соответствии (любой функции логического типа $\langle \sigma, \tau \rangle$ соответствует множество объектов типа σ), в порядке упрощения мы переходим от формата к формату, специального этого не оговаривая.

(17) обозначает события, которые одновременно представляют собой события поедания сыра и события, в которых сыр подвергается уничтожению в максимальной степени. Это в точности семантика предиката *съесть сыр*.

Озвучивание префиксальной вершины происходит по интуитивно очевидным правилам, которые мы для экономии места не будем подробно обсуждать. Чтобы озвучить префиксальную вершину, достаточно сообщить префиксальной лексической единице информацию о характере шкалы и о дескриптивных свойствах событийного предиката, привносимого лексическим глаголом.

Важнейшее свойство участвующих в соотношении отношений в (15) состоит в том, что их пересечение не пусто. Одно обозначает множество пар индивидов и событий таких, что индивид подвергается полному уничтожению в ходе события. Другое — множество пар индивидов и событий, где индивид подвергается (необязательно полному) поеданию в ходе события. Понятно, что существуют пары, которые входят в оба множества. Это в точности такие пары, где индивид поедается и полностью уничтожается в ходе события. Именно эта семантика выражается в (17).

Рассмотрим теперь, что происходит, если *ед*- из (13) попадает в структуру типа (12b) ($\lambda x.\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{EFFECTED}(x))(d_{\text{MAX}})(e)$), где в отношении с событиями входит не уничтожаемый, а создаваемый индивид. В этом случае два отношения не пересекаются: никакой поедаемый индивид не создается в результате поедания. Мы предполагаем, что семантическая деривация продолжается, однако не посредством пересечения отношений, а посредством модификации. Отношение $\lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)$ преобразуется в событийный предикат с помощью экзистенциального закрытия индивидуальной переменной:

(18) Операция соотношения; вариант с событийной модификацией

$$\text{Match}(\text{Struct}, \text{Lex}) = \text{Struct} \cap_{\text{EM}} \exists_x[\text{Lex}]$$

Операция экзистенциального закрытия $\exists_x[\text{Lex}]$ превращает отношение между индивидами и событиями, например, $\lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)$, в множество событий:

(19) Экзистенциальное закрытие

$$\exists_x(\lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)) = \lambda e. \exists x[\text{eat}(x)(e)]$$

Предикат в (19) обозначает события, в которых что-то съедено. Смысл операции соотношения в (18) состоит в том, чтобы извлечь из множества пар индивидов и событий, содержащихся в *Struct*, такое подмножество, в котором события удовлетворяют предикату в (19). Эту процедуру можно назвать пересечением с событийной модификацией, $\cap_{\text{EM}}$. Она показана в (20):

(20) Пересечение с событийной модификацией

$$R \cap_{\text{EM}} P = \{ \langle x, e \rangle \mid \langle x, e \rangle \in R \wedge e \in P \}$$

“Возьмем пары индивидов и событий из отношения *R* и оставим из них только те, в которых события входят в экстенционал предиката *P*”.

Соотношение структурного компонента в (12b) и лексического компонента в (13) показано в (21):

(21) Соотношение с событийной модификацией

$$\begin{aligned} \text{Match}(\lambda x.\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{effectuated}(x))(d_{\text{MAX}})(e), \lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)) = \\ \lambda x.\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{effectuated}(x))(d_{\text{MAX}})(e) \cap_{\text{EM}} \lambda e. \exists x[\text{eat}(x)(e)] = \\ \lambda x.\lambda e. \exists y [\text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{effectuated}(x))(d_{\text{MAX}})(e) \wedge \text{eat}(y)(e)] \end{aligned}$$

После заполнения индивидуальной позиции мы получаем предикат, обозначающий события поедания некоторой сущности, в результате которых в максимальной (в данном

контексте) степени создается такая вещь, как пузо. Это в точности семантика предложения (3а) *Вася наел пузо*.

(22) Семантика для *наесть пузо*

$$\lambda e.\exists y [\text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{effected}(\text{belly}))(d_{\text{MAX}})(e) \wedge \text{eat}(y)(e)]$$

Экзистенциальное закрытие можно рассматривать как вариант коэрсии, когда семантический конфликт приводит к реинтерпретации одного из элементов, что позволяет спасти деривацию от краха. В нашем случае принципиально важно, что коэрсии подвергается лексический элемент: в этом отношении мы, как и Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, придерживаемся обобщения, согласно которому структурный аргумент требует реализации, а лексический нет. В предлагаемой системе этот результат вытекает из самой архитектуры теории. Строго говоря, в ней нет процедуры **реализации аргументов**. Аргументная и событийная структура, созданная синтаксисом, — это наша единственная реальность. Ее можно по-разному реализовать имеющимся лексическим материалом, и если этот материал не идеально подходит к структуре, его следует приспособить к ней доступными средствами. Одно из них — преобразование отношения в предикат, которое, как мы пытались убедить читателя, и происходят в тех случаях, которые внешне выглядят, как появление несубкатегоризованного аргумента.

Отметим, что идея об экзистенциальном закрытии «исходного аргумента» (такого, как поглощаемый объект у глагола *есть*) в случаях типа *наел пузо* высказывалась и раньше, например, в диссертации О.В. Бабко-Малой [8]. Однако механизм закрытия предполагался принципиально другой, чем в изложенном выше наброске анализа. У О.В. Бабко-Малой индивидуальную переменную в семантическом представлении глагольной основы связывает префикс. Если перевести ее построения на язык, принятый в этой статье, деривация *наел пузо* будет выглядеть примерно, как в (23):

(23) a. || ед- || = $\lambda x.\lambda e.\text{eat}(x)(e)$

b. || на- || = $\lambda R_{\langle e, \langle v, t \rangle \rangle}.\lambda y.\lambda e.\exists x[R(x)(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(y))(d_{\text{MAX}})(e)]$

c. || наед- || = $\lambda y.\lambda e.\exists x[\text{eat}(x)(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(y))(d_{\text{MAX}})(e)]$

d. || наед- пузо || = $\lambda e.\exists x[\text{eat}(x)(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(\text{belly}))(d_{\text{MAX}})(e)]$

Префикс в (23b) применяется к основе в (23a) как к аргументу, создавая значение глагола *наед-* в (23c), которое представляет собой отношение между событиями поедания и создаваемыми в нем объектами. Насыщая позицию индивидуального аргумента, мы приходим к предикату в (23d).

(23d) — тот же предикат, который мы получили выше. Однако в (23) это происходит принципиально другим путем: практически всю работу делает префикс. Он и связывает аргумент *ед-*, и вводит создаваемый аргумент *пузо*. Чем такой анализ хуже предлагаемого выше? Как кажется, по крайней мере в одном, но важном отношении. Способность к связыванию старого и введению нового аргументов — это случайное свойство индивидуальной лексической единицы, такой, как *на-* в (23b). Возникновение несубкатегоризованных аргументов с разными префиксами у разных глаголов — это каждый раз отдельные независимые факты, не сводимые к действию общей закономерности. Наш анализ позволяет объяснить эти же явления как результат работы единого (и единственного) общего механизма — необходимости получить когерентную интерпретацию при соединении событийного шаблона, создаваемого структурно, с конкретным лексическим материалом.

Последнее, что нам предстоит — ответить на вопрос, почему несубкатегоризованные аргументы невозможны в отсутствие префикса, как в (4), повторяемом в (24).

(24) a. Володя ел сыр.

b. #Володя ел пузо.

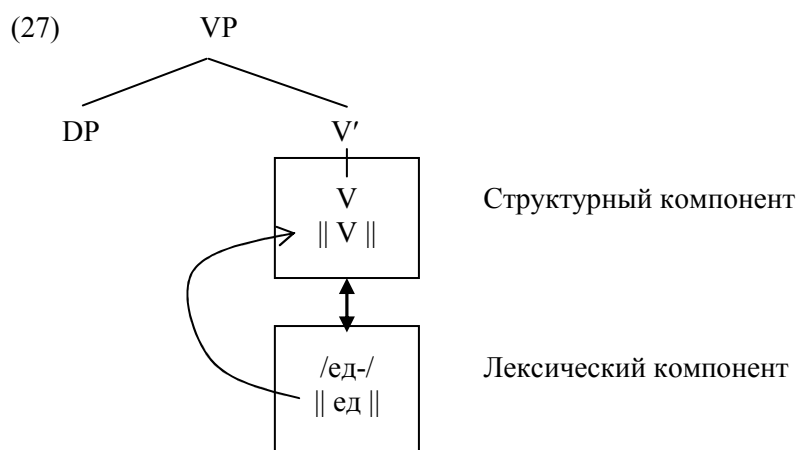
Именно благодаря таким примерами у нас создается ощущение, что актанта типа *пузо* — несубкатегоризованный, производный, недоступный в исходной конфигурации. И именно такие примеры подталкивают нас к идее, что *пузо* — это аргумент префикса: нет префикса, нет аргумента.

Объяснение (24) следует из наших допущений без всяких дополнительных усилий. Как мы видели выше, префикс возможен только в структуре свершений в (9), но не в структуре деятельности в (8), повторяемых как (25)-(26). Это следует из того, что только у глагольной вершины в (26) есть параметрическое свойство, изменяющееся в ходе события, и соответствующий степенной аргумент, насыщаемый префиксом. Наличие префикса, соответственно, коррелирует с наличием в событийной структуре семантики изменения.

$$(25) \parallel V_{\text{ACTIVITY}} \parallel = \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e)$$

$$(26) \parallel V_{\text{ACCOMPLISHMENT}} \parallel = \lambda d. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(G(x))(d)(e)$$

Поскольку V_{ACTIVITY} в (25) отсутствует параметрическое свойство и степенной аргумент, беспрефиксальные глаголы («глаголы несовершенного вида») по необходимости имеют структуры деятельности (а структуры деятельности по необходимости являются беспрефиксальными). В развернутом виде структура показана в (27):

При лексической реализации V в (27) отношение, выражаемое основой *ед-*, $\lambda x. \lambda e. \text{eat}(x)(e)$, соединяется с отношением в (25) с помощью уже известной нам операции Match:

(28) **Соотнесение**

$$\text{Match}(\lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e), \lambda x. \lambda e. \text{eat}(x)(e))$$

(29) **Результат соотнесения**

$$\lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{eat}(x)(e)$$

Семантика V в структуре деятельности крайне недоспецифицирована. Перед нами множество процессов, в которых есть участник, связанный с ними предельно обобщенной семантической ролью arg . $\text{Arg}(x)(e)$ можно понимать как ‘ x участвует в e ’. Из этого вытекают три следствия. Во-первых, отношение в (25) и отношение, выражаемое основой, всегда имеют непустое пересечение. Какое бы отношение между индивидом и событием ни обозначала основа, для него будет верно, что некоторый индивид участвует в некотором событии, и этого достаточно, чтобы удовлетворить требование V из (25). Во-вторых, структура деятельности всегда одна и та же: в ней

нет вариативного параметрического свойства, как в структуре свершений. В структуре деятельности не могут появиться актаны с более конкретными и притом вариативными ролями — создаваемого объекта, уничтожаемого объекта и т.д. Из этого следует, в-третьих, что конкретный характер участия индивида в событии полностью определяется семантикой лексического компонента. Соответственно, для *есть* мы попросту получаем отношение между процессами поедания и поедаемыми объектами — такое, как в (29). Именно поэтому в предложении *Вася ест пузо* актант *пузо* можно проинтерпретировать только в качестве объекта поедания.

Таким образом, предложенная система сводит воедино все представленные в нашем материале корреляции. Возможность несубкатегоризованного аргумента коррелирует с тем, какое параметрическое свойство меняется в ходе события. Наличие параметрического свойства коррелирует с наличием префикса. Несубкатегоризованные актаны доступны только в префиксальной конфигурации — но не потому, что они являются аргументом префикса, а потому, что и префиксы и актаны являются аргументами параметрического свойства.

Подведем итог. Сформулированные выше наброски (полный анализ, подчеркнем еще раз, требует значительно большей технической проработки) позволяют дать простые и общие ответы на два вопроса. Первый вопрос: откуда берутся актаны типа *пузо* в *наел пузо*? Ответ: это актаны параметрического свойства, которое представляет собой элемент семантики структурного компонента предикатов класса свершений. Второй: куда в случае *наел пузо* уходят исходные актаны типа *сыр*? Ответ: они получают экзистенциальную интерпретацию ('существует такой *x*, что...'), причем ровно в тех случаях, когда их роль в процессе, обозначенном лексической основой, несовместима с ролью, которую требует параметрическое свойство.

При соединении лексического компонента со структурным, как мы видели выше, есть два случая. В первом лексическое и структурное отношения комбинируются без каких-либо затруднений. Во втором мы рискуем получить отношение с пустым экстенционалом, и это приводит к реинтерпретации лексического компонента как событийного модификатора со связанным индивидуальным аргументом. Анализ верно предсказывает, что возможность несубкатегоризованного аргумента коварирует с характером параметрического свойства, которое меняется в результате осуществления ситуации из экстенционала лексического предиката. Любой аргумент глагола, каким мы его видим, — это аргумент свойства. Мы воспринимаем его как субкатегоризованный, если его возможно соотнести с аргументом лексической основы, и как несубкатегоризованный в противном случае.

Литература

1. Rappaport Hovav M., Levin B. Building verb meanings // The projection of arguments: lexical and compositional factors. Stanford: CSLI Publications, 1998.
2. Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2014.
3. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Cornell: Cornell University Press, 1967.
4. Dowty D.R. Word Meaning and Montague Grammar. Dordrecht: Reidel, 1979.
5. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
6. Ramchand G. Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
7. Kagan O. Scalarity in the domain of verbal prefixes // Natural Language & Linguistic Theory. Vol. 31, 2013. P. 483-516 .
8. Babko-Malaya O. Zero Morphology: a Study of Aspect, Argument Structure. Ph. D. dissertation: Rutgers University.

A two-component theory of argument structure: an outline of the analysis of prefixed verbs

Sergei Tatevosov

The paper argues for a novel analysis of argument alternations in Russian based on the hypothesis that some components of event structure are built in the syntax while others are only introduced at spell-out.

Keywords: derivational morphology, event structure, argument structure, prefixation

Татевосов Сергей Георгиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: tatevosov@gmail.com